

Научная статья

УДК 821.161

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2025-3/59-68>

Попытка герменевтического анализа образа матери в стихотворении А.Т. Твардовского «И первый шум листвы ещё неполной...»

Татьяна Фёдоровна Панченко¹, Алиса Михайловна Донцова²

^{1,2} Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Российская Федерация

¹ Кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и литературы,
panchenko.tf@dvfu.ru

² Студентка 2 курса, «Филология (русский язык и литература)», dontcova.am@dvfu.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению особенностей образа матери в ранней лирике А.Т. Твардовского на примере стихотворения «И первый шум листвы ещё неполной...».

В статье рассматривается образ матери, отмеченный чертами прототипа – матери А.Т. Твардовского, Марии Митрофановны, обобщающий идеальные представления о материнстве. Наиболее активно к исследованию образа матери обращались М.В. Мелексетян, Т.А. Пономарёва, А.М. Турков. Целью данного исследования стало выявление особенностей образа матери в ранней лирике А.Т. Твардовского и особенностей жанровой природы на примере стихотворения «И первый шум листвы ещё неполной...». Анализ выявил синтез разных лирических жанров в стихотворении: гимна, элегии, библейского стиха, что определило особенности образа матери как образа идеального.

Ключевые слова: Александр Твардовский, «И первый шум листвы ещё неполной...», образ матери, лирика, христианские мотивы, мотив памяти

Для цитирования: Панченко Т.Ф., Донцова А.М. Образ матери в стихотворении «И первый шум листвы ещё неполной...» А.Т. Твардовского // Дальневосточный филологический журнал. 2025. Т. 3, № 3. С. 59–68.

Original article

An attempt of a hermeneutic analysis of the image of the mother in the poem by A.T. Tvardovsky “And the First Noise of the Foliage Still not Full...”

Tatiana F. Panchenko¹, Alisa M. Dontcova²

^{1,2} Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russian Federation

¹ Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department
of Russian Language and Literature, panchenko.tf@dvfu.ru

² 2nd year Student, Philology (Russian Language and Literature), dontcova.am@dvfu.ru

Abstract. The article is devoted to identifying the features of the image of the mother in the early lyrics of A.T. Tvardovsky using the example of the poem "And the First Noise of the Foliage Still not Full...".

The article examines the image of the mother, marked by the features of the prototype – A.T. Tvardovsky’s mother, Maria Mitrofanovna, generalizing the ideal ideas about motherhood. The most active in the study of the image of the mother were M.V. Meleksetyan, T.A. Ponomareva, A.M. Turkov. The purpose of this study is to identify the features of the image of the mother in the early lyrics of A.T. Tvardovsky and the features of the genre nature using the example of the poem "And the First Noise of the Foliage Still not Full...". The analysis revealed a synthesis of different lyrical genres in the poem: a hymn, an elegy, a biblical verse, which determined the features of the image of the mother as an ideal one.

Key words: Alexander Tvardovsky, “And the First Noise of the Foliage Still not Full...”, image of the mother, lyrics, Christian motifs, motif of memory

For citation: Panchenko T.F., Dontcova A.M. An attempt of a hermeneutic analysis of the image of the mother in the poem by A.T. Tvardovsky “And the First Noise of the Foliage Still not Full...”. *Far Eastern Philological Journal*, 2025, vol. 3, no. 3, pp. 59–68. (In Russ.).

При анализе художественных произведений использование методов герменевтики даёт основу для более глубокого изучения особенностей поэтики, многогранного рассмотрения художественных образов и мотивов стихотворения. Герменевтика (*греч.* *hermeneuo* – разъясняю) – теория истолкования, имеющего целью выявить смысл текста, исходя из его объективных (значения слов) и субъективных (намерение авторов) оснований.

«Мать моя, Мария Митрофановна, была всегда очень впечатлительна и чутка ко многому, что находилось вне практических, житейских интересов крестьянского двора, хлопот и забот хозяйки в большой многодетной семье. Её до слёз трогал звук пастушьей трубы где-нибудь вдалеке за нашими хуторскими кустами и болотцами, или отголосок песни с далёких деревенских полей, или, например, запах первого молодого сена, вид какого-нибудь одинокого деревца и т.п.» [9, с. 20]. Этот маленький, любовно выполненный портрет матери, Марии Митрофановны Твардовской, заметно выделяется на общем, сдержанном и скуповатом на детали фоне автобиографии Александра Трифоновича Твардовского [11, с. 13]. В «Автобиографии» [9] А.Т. Твардовский, рассуждая о своём предназначении как писателя, вспоминает отношение к творчеству Марии Митрофановны: «По-разному благосклонно и по-разному с трепетом относились мои родители к тому, что я стал сочинять стихи. <...> Мать, видя мою приверженность к таким необычным занятиям, по-своему чуяла в ней некую печальную предназначенность моей судьбы и жалела меня» [9, с. 21]. А.Т. Твардовский вспоминает о своей матери как о провидице, тонко предчувствующей будущее своих детей.

Мария Митрофановна Твардовская была родом из обедневших польских дворян. В семье было семеро детей, которых мать с детства приучала к трудолюбию. Маленький Саша должен был пасти скот, что было непростым занятием. Скот выгоняют рано утром, и Мария Митрофановна, жалея сына, пасла скот сама, о чём позднее с теплом и благодарностью напишет А.Т. Твардовский:

Я помню осиновый хутор
И детство – разбегом коня...

Я помню, ты каждое утро
Корову пасла за меня [9, с. 35]

В дневниковых записях и письмах Александра Трифоновича Твардовского двадцатых и тридцатых годов часто встречаются заметки о матери, воспоминания о ней. Именно Мария Митрофановна «смягчала» душу сына, была для него воплощением любви, самоотверженности и вечной заботы.

В лирике Твардовского – редкий случай в истории поэзии – отсутствует понимаемая в традиционном смысле любовная тема, в ней нет образа возлюбленной в лирике. Женщина для поэта предстаёт прежде всего матерью, и только потом женой и труженицей. Несмотря на это, всю любовь он вложил в создание образа матери, который является объектом изучения в данном исследовании.

К изучению образа матери в лирике Твардовского обращались немногие литературоведы. На значение темы материнства и образа в творчестве поэта указал М.В. Мелексетян [5]. К исследованию этой темы обращались Т.А. Пономарёва [7], А.М. Турков [11].

Цель данного исследования – выявление особенностей образа матери в ранней лирике А.Т. Твардовского на примере стихотворения «И первый шум листвы ещё неполной...».

И первый шум листвы ещё неполной,
И след зелёный по росе зернистой,
И одинокий стук валька на речке,
И грустный запах молодого сена,
И отголосок поздней бабьей песни,
И просто небо, голубое небо –
Мне всякий раз тебя напоминают.

Стихотворение «И первый шум листвы ещё неполной...» не входит ни в один из циклов и сборников А.Т. Твардовского, оно впервые появится лишь в последнем прижизненном собрании сочинений в 1971 году. Обратим внимание на год написания стихотворения. В 1936 году публикуется поэма «Страна Муравия», и Твардовский впервые получает известность. Поэт переезжает из родного Смоленска в Москву и поступает в МИФЛИ. Именно тогда поэт начинает тосковать по Родине и, главное, по матери, которая в его сознании неразрывно связана с домом. Стихотворение написано в 1937 году, в тот период, когда поэзия автора была «ещё неполной, не развернувшейся во всю свою мощь и трагедийность» [10], но по лаконизму, по выраженному здесь скрытному, но сильно осязаемому чувству стоит наравне с лирикой поздних зрелых лет.

В стихотворении представлен природный цикл жизни, который тесно связан с циклом крестьянской жизни. Рассмотрим художественное время построчно: «*И первый шум листвы ещё неполной*» – стихотворение начинается с изображения ранней весны. «Неполная листва» символизирует незрелость, юность. «*И след зелёный по росе зернистой*» – обычно роса появляется рано утром, в ясную и тихую погоду – символ молодости, счастья, активного периода жизни. «*И грустный запах молодого сена*» – в третьей строке уже раскрывается летнее время – время начала сенокоса и основной работы в поле. Молодость уже не кажется радостной – наступают дни тяжёлого труда. Запах изображается «грустным», так как за стогом сена стоит

тяжёлый труд сенокоса в поле. Важно отметить, что строк, изображающих счастливое для женщины время, в три раза меньше, чем тех строк, которые передают её крестьянский изнуряющий труд. «*И отголосок поздней бабьей песни*» – «бабья песня» имеет здесь не только прямое, но и переносное значение – она предстаёт также и началом осени («бабьим летом»). Смена времён года у Твардовского показана как жизненный цикл, где описываемая пора сопоставляется с приближающейся старостью, увяданием. Вместе с образом матери рядом предстаёт тема быстротечности жизни. Именно вехи жизни человека и понимание скоротечности жизненного пути осознаёт лирический герой с наступлением «поздней бабьей песни». «*И просто небо, голубое небо*» – к концу произведения пространство расширяется до пределов вселенной. От земли и воды лирический герой будто отрывает взгляд и поднимает голову вверх. Внимание автора переходит с земли на небо – на более обширное и необъятное пространство. Так, А.Т. Твардовский переходит от характерного ему бытописания крестьянской жизни к «вечным», метафизическим категориям. Лексический повтор «неба» особенно концентрирует внимание на вопросах бессмертия и мироздания. Лирический герой приходит к выводу: бессмертна только память о близких, которую хранит этот мир. Эпитет «голубое» (небо) можно рассмотреть с двух сторон: с одной стороны, автор изображает чувство глубинной связи со вселенной (это чувство характерно для раннего периода лирики Твардовского), а с другой – лирический герой вспоминает глаза матери, Марии Митрофановны, это раскрывает образ матери как светлый и «лучистый».

В последней строке обратим внимание на словосочетание «всякий раз» – разговорное выражение, которое автор использует в переносном значении «всегда». В этом раскрывается немногословность Твардовского, выражением-эвфемизмом [7] «всякий раз» автор передаёт важность матери для лирического героя – она для него не потеряна, она *всегда* с ним. С другой стороны – это поэтологическое воплощение вечного времени, которое в соответствии с временным природным циклом и обозначенным художественным пространством – земным кругом – соответствует утверждению вечности образа матери и вечности сыновней (шире – общечеловеческой) любви к ней.

Кроме того, стихотворение «И первый шум листвы ещё неполной...» уникально и по своей жанровой природе. Это стихотворный период, состоящий из одного предложения. Оно посвящено воспеванию матери, что позволяет отнести его к торжественному жанру – гимну. Но, с другой стороны, это стихотворение – редкий пример «бессюжетного» стиха для творчества Твардовского [5]. Кроме того, стихотворение относится к жанру интимной лирики – лирический герой избегает громких слов: обратим внимание, что в стихотворении не встречаются риторические, побудительные конструкции; здесь также нет и ярких образов – в стихотворении приводятся лишь детали сельской жизни, знакомые лирическому герою с детства. Лирический субъект предпочитает говорить о своей матери тихо, как о глубоко сокровенном и личном. И.Н. Сухих отмечает, что лирике Твардовского характерен *говорной* стих [8] (потому на стихи Твардовского, в отличие от стихов, например, С.А. Есенина, практически не писали песен – лирике Твардовского не характерна напевность в отличие от его поэта-земляка М.В. Исаковского). Говорной стих может быть насыщен бытовой лексикой, может использовать нестрофические формы, вольные стихи. Этот тип требует чтения в манере бытового разговора, интимной беседы, на что указывает И.Н. Сухих [8]. Именно разговорная интонация приближает стихотворение «И первый шум листвы ещё неполной...» к жанру интимной лирики.

Ритм становится основой организации текста, что приводит поэта к сочинительным конструкциям. Заметим, что по форме стихотворение представляет собой одно распространённое предложение: лирический субъект говорит о мире, в котором всё напоминает о матери, стихотворение не членится на строфы, поскольку о матери поэт говорит на одном дыхании. Твардовский изображает картины природы, нанизывающиеся друг за другом, создавая ощущение ритма в стихотворении. Основной синтаксический приём стихотворения – полисиндетон. Он используется для усиления лексической экспрессивности и гармонизации художественного текста.

Усилительно-выделительная функция полисиндетона, отмечает М.В. Веккесер, «заключается в том, что избыточный повтор союза является своего рода актуализатором фрагмента текста или всего текста в целом <...>, а это приводит к усилению различных смысловых и эмоционально-экспрессивных значений» [2]. Ф.И. Джаубаева отмечала, что полисиндетон – это «фигура почти математического свойства», ибо «указывает на общую вариативную повторяемость в системе текста, его синтаксическую и семантическую однородность», при этом «функционирует в качестве не только логического, но и семантического, структурного <...> оператора» [4], вследствие чего выравнивается и ритм стихотворения. Согласно утверждению М.Л. Гаспарова, использование полисиндетона способствует развитию тенденции «к бесплотности, к безличности, к безглагольной статичности» [3]. А.Т. Твардовский объединяет полисиндетоном разрозненные пейзажные детали, постепенно выстраивающиеся в градационный ряд. Использование полисиндетона также отсылает и к христианскому тексту, церковной молитве. Этот приём тесно связан с библейским синтаксисом, как это происходит, например, в «Пророке» А.С. Пушкина, где шестнадцать строк начинаются с союза «и». Именно эту христианскую и в то же время пушкинскую традицию продолжает стихотворение «И первый шум листвы ещё неполной...». Семантическая связь образов с религиозными мотивами и способствует преодолению земного, вещественного и растворению его в вечном, о котором пишет М.Л. Гаспаров.

Помимо связи с христианским текстом, литературоведы находят также связь использования полисиндетона с ранними начинаниями поэта и стремлением придать тексту архаический пафос, что остроумно заметил современный поэт С. Гандлевский:

Когда я первые стихотворенья,
Волнуясь, сочинял свои
И от волнения и неуменья
Все строчки начинал с союза «и» [1].

В стихотворении «И первый шум листвы ещё неполной...» представлен особый хронотоп. Автор рассматривает вопрос завершения жизни человека – если «природное» время раскрывается от весны до осени, то время человеческой жизни идёт дальше – до «*всякого* раза». Так, хронотоп произведения приобретает масштабы вселенной – пространство необъятно и безгранично, а время вечно и подвластно только божественному провидению, до того момента, пока не наступит «*всякий* раз».

Связь с христианскими мотивами раскрывается при анализе размера стихотворения «И первый шум листвы ещё неполной...». Автор избегает рифмы, когда говорит о матери, – он изображает её родной и близкой как для лирического героя, так и для читателя. При отсутст-

вии рифмы автор побуждает читателя обратить внимание на другие ритмические факторы, которые также есть в метрическом стихе. Это редкий пример «белого стиха» (оно написано пятистопным ямбом с женскими клаузулами) в творчестве А.Т. Твардовского. Важно помнить, что белым стихом изначально писали христианские богословы, например, к белому стиху обращался Мелетий Смотрицкий – так, семантический ореол метра раскрывает связь образа матери в лирике Твардовского с образом Богородицы, матерью Божьей. Кроме этого, белый стих употребляется и для изображения близости к разговорному жанру, передаёт народный стих и речь [10]. В XX веке белый стих был широко распространён с целью передать повседневную речь. Это соответствует цели раскрытия образа матери как крестьянки и – шире – как женщины-труженицы. Использование пятистопного ямба в XIX в. неразрывно было связано с именем Пушкина и его трагедией «Борис Годунов», а также данный размер связан и с шекспировской традицией драмы, что позволяет ассоциировать пятистопный ямба с трагедийным конфликтом. Это подчёркивает драматизм судьбы крестьянки, напоминающий трагедийный конфликт русской и зарубежной драмы, обращение Твардовского к творчеству предшественников [6]. В XX в. смысловой и образный потенциал белого пятистопного ямба значительно расширился, усилилось эпическое начало, интенсифицировался событийный ряд.

По замечанию А.В. Пашкова [6], А.Т. Твардовский обратил внимание на использование белого пятистопного ямба в творчестве В.А. Луговского. Пейзажные зарисовки в стихотворении «И первый шум листвы ещё неполной...» приобретают событийную характеристику – автор изображает ежедневный труд женщины-крестьянки на фоне умиротворённой природы. Кроме того, в стихотворении появляются регулярные пропуски ударений – пиррихии. Это связано с тем, что особенность ритмической картины русского языка и закономерности речи не позволяют писать двусложными размерами без пиррихий, так как в среднем на ударный слог приходится два безударных. При этом использование пиррихий не ломает ритмический строй пятистопного ямба у А.Т. Твардовского.

При рассмотрении лексического уровня стихотворения важно обратить внимание на словарь произведения, применяя методику анализа структуры стихотворного произведения Ю.М. Лотмана [5, с. 82]:

Таблица 1

Лексический уровень стихотворения «И первый шум листвы ещё неполной...»

Существительные	Местоимения	Глаголы	Прилагательные
Шум	Мне	Напоминают	Первый
Листва	Тебя		Неполная
След			Зелёный
Роса			Зернистая
Стук			Одинокий
Валёк			Грустный
Речка			Молодой
Запах			Поздняя
Сено			Бабья
Отголосок			Голубое
Песня			
Небо			

Прежде всего, отметим номинативный характер словаря: мир текста определяется предметами. Этот факт позволяет рассматривать стихотворение Твардовского в ряду «безгла-

гольных» стихотворений таких поэтов, как А.А. Фет, И.А. Бунин. Вся именная лексика передаёт детали крестьянской жизни (*валёк, речка, сено, песня*). Кроме того, автор приводит и предметы крестьянского труда (например, *валёк* – плоский деревянный брусок с ручкой для выколачивания белья при полоскании или для его катания на скалке (перед глажением или вместо него)), которые оказываются уже непонятными для современного читателя. Прилагательные же выступают контекстными антонимами (*первый – поздний, молодой – поздний*) и контекстными синонимами (*зелёный – молодой, одинокий – грустный*), что помогает раскрыть противопоставление разных периодов жизни труженицы: молодости и зрелости крестьянской женщины. Несмотря на преобладание имён существительных в стихотворении, в тексте представлены как звуковые образы (*шум, отголосок, песня*), так и «ольфакторные» (*запах молодого сена*). Стихотворение «И первый шум листвы ещё неполной...» оказывается практически «безглагольным» – лишь один глагол *напоминают* встречается в конце произведения. При этом единственный глагол имеет форму так называемого «настоящего вневременного»: несовершенного вида и настоящего времени, что в сочетании с предшествовавшими безглагольными шестью строками усиливает парадоксальное впечатление – возникает эффект слияния пейзажа и чувств, мыслей лирического героя. Кроме того, глагол *напоминать* здесь не имеет значения активного действия, движения, а наоборот – он отсылает к чувствам, духовной ипостаси жизни человека. Одним глаголом автор соединяет картину природы и близкого человека, мать, – пейзаж оказывается воспоминанием, тем, что хранит в себе память о матери. Важно отметить, что за тире («*И просто небо, голубое небо –...*») скрывается пропуск – это неполное предложение, автор выделяет лишь малую часть образов, напоминающую лирическому герою о матери. За тире стоит бесконечное количество картин природы. Этим приёмом автор показывает, что весь мир напоминает лирическому герою мать, поэтому перечисление бессмысленно – память о матери растворена для поэта во всём.

«*Мне всякий раз тебя напоминают*» – единственная строка, где появляется незримый образ лирического субъекта – сейчас он говорит о чувствах, о тесной связи своей жизни с природой. Здесь впервые встречаются личные местоимения (*я – ты*), это задаёт не оппозицию, какая встречается, например, у В.В. Маяковского, а наоборот – показывает, что в этом мире для лирического героя существуют только двое – мать и он (акцентологическое ударение падает именно на слово *тебя* – мать оказывается для лирического героя важнее, чем он сам). Кроме того, анализируя синтаксический строй стихотворения, можно заметить, что в «И первый шум листвы ещё неполной...» отсутствует обобщающее подлежащее – произведение выступает одним предложением. Так, автор акцентирует внимание не на лирическом субъекте, а на его чувствах, на окружающем его мире.

Обратим внимание на средства художественной выразительности и их роль в стихотворении, а также в раскрытии образа матери. Автор в основном использует индивидуальные эпитеты (*первый шум, листва неполная*) с целью детализировать изображение, картину природы, родной лирическому герою. При этом эпитеты передают настроение как лирического героя, так и стихотворения в целом – *грустный запах, одинокий стук* создают ощущение печали, тоски по дому и родным картинам природы. Эпитеты также помогают изобразить разные этапы жизни как природы, так и человека. Автор раскрывает как молодость (*первый шум, молодое сено*), так и зрелость, что изображается в виде отголосков «поздней бабьей песни» – это словосочетание приобретает метафоричное значение и становится символом крестьянской

жизни. Лексический повтор (*небо, голубое небо*) помогает А.Т. Твардовскому обратить внимание читателя на пространство, расширяющееся до пределов вселенной.

Рассмотрим также звуковой ряд произведения. Звучание необходимо рассматривать лишь внутри стихотворения как целого, а не анализировать звуки изолированного. С помощью использования «узких» гласных (*и/ы, у*) А.Т. Твардовский создаёт меланхолическую, минорную интонацию, которая тесно связана с воспоминаниями о матери и обо всём, что о ней напоминает. Часто употребление гласной «о» создаёт ощущение тишины и одновременного гула деревенской природы. Обратим внимание и на порядок расположения ударных гласных в определённых строках стихотворения: нисходящая структура «а – а – а – у» (*Мне всякий раз тебя напоминают*) усиливает меланхолическое настроение лирического героя. Часто использование, нагнетание, сонорных же согласных в стихотворении указывает на обращение А.Т. Твардовского к песенной традиции, сближающей стихотворение с народным творчеством, крестьянской жизнью. Аллитерация (повторение целевых согласных *с/з/ш/щ*) помогает создать звуковые образы, формируется образ пространства в целом: шум деревьев, травы, монотонный стук валька, отдалённые песни крестьянок за работой.

Итак, рассматривая образ матери в лирике А.Т. Твардовского на примере стихотворения «И первый шум листвы ещё неполной...», можно сделать вывод об уникальности изображения матери автором. Как было сказано выше, образ избранницы как объект любовной лирики отсутствует в творчестве А.Т. Твардовского, но при этом образ матери занимает главенствующее место в художественном мире поэта. Он возникает в ранней лирике, с ним связана память о родном доме, и возникает он на фоне картин природы, крестьянской жизни. А в послевоенной лирике образ матери ассоциируется с образом Родины. Образ лирического субъекта оказывается незримым – на первый план выходят его чувства к матери, необъятная любовь к ней. Это подчёркнуто акцентологическим ударением на местоимение *тебя*. Мать для лирического героя оказывается смыслом и центром жизни. Образ матери, неразрывно связанный с христианскими мотивами, возвышается до образа Богородицы. Религиозный подтекст формирует размер произведения и близкий библейскому синтаксису полисиндетон. Хронотоп стихотворения становится воплощением вечного времени, что соответствует утверждению вечности образа матери и вечности сыновней любви к ней. Так, образ матери в лирике А.Т. Твардовского становится неразрывно связанным с темой общечеловеческой любви, мотивом вечной памяти и субъективными воспоминаниями о матери, остающимися с лирическим героем навсегда.

Список литературы

1. Азарова Н.М., Корчагин К.М., Кузьмин Д.В., Плунгян В.А. и др. Поэзия. Учебник. М.: ОГИ, 2021. 886 с.
2. Веккесер М.В. Полисиндетон как стилистическая фигура: на материале современного русского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Сибирский федеральный университет, Красноярск, 2007. 24 с.
3. Гаспаров М.Л. Ясные стихи и «темные» стихи. М., 2015. 416 с.

4. *Джаубаева Ф.И.* Гармония поэтического текста А.С. Пушкина: Полисиндетон / Под ред. профессора К.Э. Штайн. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2008. 256 с.
5. *Лотман Ю.М., Гаспаров М.Л.* О поэтах и поэзии: Анализ поэт. текста. СПб.: Искусство-СПб, 1996. 846 с.
6. *Мелексетян М.В.* «Третья тема А. Твардовского» // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2009. № 4. С. 193–202. EDN: RUZQZV
7. *Пашков А.В.* Истоки белого пятистопного ямба в стихе В.А. Луговского // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2011. № 3(14). С. 172–177.
8. *Пономарева Т.А.* Поэтика цикла А.Т. Твардовского «Памяти матери» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. № 2-1 (47). С. 82–86. EDN: QBJOOP
9. *Сухих И.Н.* Структура и смысл: Теория литературы для всех. СПб.: Азбука, Азбука-Атикус, 2024. 640 с.
10. *Твардовский А.Т.* Собрание сочинений. В 6 томах. Т. 1. Стихотворения (1926–1940). Страна Муравия. Поэма. Переводы. Предисл. К. Симонова. Примеч. Ю. Буртина и Р. Романовой. М.: Худож. лит., 1976. 432 с.
11. *Тимофеев Л.* Вольный стих // Литературная энциклопедия: В 11 т. 1929–1939. Т. 2. М.: Изд-во Ком. Акад., 1929. С. 288–292. URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le2/le2-2881.htm> (дата обращения: 02.01.2025).
12. *Турков А.М.* Александр Твардовский. М.: Молодая гвардия, 2010. 408[8] с.

References

1. *Azarova N.M., Korchagin K.M., Kuzmin D.V., Plungian V.A. et al.* Poetry. Textbook. M.: OGI Publ., 2021. 886 p. (In Russ.).
2. *Vekkesser M.V.* Polysyndeton as a stylistic figure: on the material of the modern Russian language: abstract of Ph. D. thesis. Siberian Federal University, Krasnoyarsk, 2007. 24 p. (In Russ.).
3. *Gasparov M.L.* Clear poems and 'dark' poems. M., 2015. 416 p. (In Russ.).
4. *Djaubaeva F.I.* Harmony of A.S. Pushkin's poetic text: Polysyndeton. Ed. by Prof. K.E. Stein. Stavropol: SGU Publ., 2008. 256 p. (In Russ.).
5. *Lotman Yu.M., Gasparov M.L.* About poets and poetry: Analysis of poetic text. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb, 1996. 846 p.
6. *Melexetian M.V.* The Third Theme of A. Tvardovsky. *Theater. Painting. Movie. Music*, 2009, no. 4, pp. 193–202. (In Russ.).
7. *Pashkov A.V.* Background of the blank iambic pentameter in the verse of V.A. Lugovskoy. *Bulletin of Surgut State Pedagogical University*, 2011, no. 3(14), pp. 172–177. (In Russ.).
8. *Ponomareva T.A.* Poetics of A.T. Tvardovsky's cycle 'In Memory of Mother'. *Bulletin of Cherepovets State University*, 2013, no. 2-1 (47), pp. 82–86. (In Russ.).
9. *Sukhikh I.N.* Structure and meaning: Theory of literature for everyone. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Aticus, 2024. 640 p. (In Russ.).
10. *Tvardovsky A.T.* Collected works. In 6 volumes. V. 1. Poems (1926–1940). The Country of Muravia. Poem. Translations. Preface by K. Simonov. Notes by Y. Burtin and R. Romanova. Moscow: Khudozhestvenny. lit., 1976. 432 p. (In Russ.).

11. *Timofeev L.* Free verse. *Literary Encyclopedia*: In 11 vol. 1929–1939. Vol. 2. M.: Kom. Academy Publ., 1929. Pp. 288–292. URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le2/le2-2881.htm> (accessed: 02.01.2025). (In Russ.).

12. *Turkov A. M.* Alexander Tvardovsky. Moscow: Molodaya Gvardiya Publ., 2010. 408[8] p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию / Received 26.07.2025.

Одобрена после рецензирования / Revised 06.08.2025.

Принята к публикации / Accepted 06.08.2025.